

Это был он сам!

У юноши от природы были высокие надбровные дуги и глубоко посаженные глаза, прямой и острый нос, явно проглядывались черты будущей красоты. Но его кожа уже успела приобрести следы, оставленные ветром и песком Великой пустыни, из-за чего почти не осталось следов детской незрелости. Напротив, во взгляде читалась некая умудрённость, напряжённость и сосредоточенность.

Подобно волчонку, который уже расправил кости, обрёл клыки и вступает в пору юности.

— Учитель, — пробормотал юноша.

Молодой Се Юнь на лежанке дышал ровно, без сознания.

Его лицо было более красивым и мягким, чем несколько лет спустя, совершенно лишённым той коварности и резкости, что появились в нём после дворцовых интриг. В спящем виде его щеки даже казались слегка нежными.

Кадык юноши судорожно заходил вверх-вниз. Он медленно склонился.

Зрачки Дань Чао внезапно расширились, в его смятенном сознании промелькнуло осознание того, что произойдёт дальше. В глубине души даже сорвался крик, — Нет!

Только не это!

Но его тщетное сопротивление было бесполезно.

Дрожащие губы юноши наконец коснулись губ Се Юня, слегка прижавшись к ним.

Это был невинный, сдержанный и полный страсти поцелуй.

Юноша поднял голову и остолбенело уставился на Се Юня, его грудь сильно вздымалась. Руки, поочередно опирающиеся по бокам от Се Юня, то разжимались, то сжимались, мнут простыню в смертельной хватке.

— ... Учитель, — снова, почти беззвучно, тихо позвал он. Невидимые стимул и чувство вины, сопутствующие этим словам, подобно слабому электрическому току, пробежали по его сердцу.

Он крепко зажмурился и наконец заставил себя отвести взгляд. Поднявшись, он отступил на шаг назад, затем ещё на шаг и, словно опасаясь потерять контроль, развернулся и бросился прочь, не оглядываясь.

Поэтому он не видел, как позади, на лежанке, у Се Юня внезапно открылись глаза.

Взгляд под длинными ресницами Се Юня напоминал глубокий пруд, поверхность которого вечно оставалась неподвижной, как зеркало. Он молча, без всяких эмоций, какое-то время смотрел на полог кровати, а затем мягко сомкнул веки.

Беспорядочные, словно снежинки, воспоминания перед глазами Дань Чао снова закружились и упали, затем звёзды сместились, сцена сменилась. Та хижина в глубинах Мобэя бесследно исчезла в пустоте, а в Чертоге Прохлады внезапно раздался грохот.

Ладонь Дань Чао тяжело упёрлась в пол, сухожилия на тыльной стороне руки выступили наружу. В его сердце звучали лишь несколько слов.

Он знал... Он всё знал!

Он знал уже давно!

В конце концов ты не только сам будешь ждать смерти с опущенными руками, но и поволокешь в ад всех, кто стоит за твоей спиной... С этого мгновения ты можешь двигаться только вперёд. Позади тебя уже давно нет пути для отступления!

В мгновение ока Дань Чао наконец вспомнил, как он ответил тогда Се Юню, — Но, — тяжело дыша, иссечённый ранами юноша стоял на коленях, с мольбой поднял взгляд на Се Юня, в его отчаянных, пылких глазах читалась готовность к последней ставке, — Я не хочу уходить отсюда и не хочу двигаться вперёд. Десять тысяч ли рек и гор принадлежат им, какое это имеет отношение ко мне?!

— Я лишь хочу быть с учителем, я... я хочу навсегда остаться с учителем в этой Великой пустыне!

Тук-тук-тук!

— Командир, командир, вы здесь?

Дань Чао очнулся, резко поднял голову и услышал, как дверь в зал снова постучали дважды. Снаружи почтительно прозвучал голос Ма Синя, — Командир, госпожа Цзиньсинь пришла!

Се Юнь по-прежнему сидел с закрытыми глазами, скрестив ноги, словно погружённый в медитацию, не проявляя никакой реакции. Светящиеся Лазурные Драконы всё так же плавали вокруг него. Тот дракон, что набросился на Дань Чао, уже отступил и теперь медленно кружил над головой Се Юня, роняя бесчисленные мельчайшие, словно пылинки, светящиеся точки.

Дань Чао быстро окинул взглядом округу. В просторном зале не было ни единого места, где можно было бы спрятаться. Он поднял глаза и увидел лишь потолочные балки.

Снаружи послышался весёлый голос Цзиньсинь, — Не беспокойтесь, командир выполняет практику. Я войду сама.

Дверь со скрипом открылась, и в тот же миг Дань Чао выпрямился во весь рост, метнулся на потолок и скрылся среди балок.

В тот же миг Цзиньсинь, подняв красную шёлковую юбку, переступила через порог зала, закрыла за собой дверную створку и изящной походкой направилась к Се Юню.

Дань Чао, находясь наверху, прищурился.

С его ракурса было видно, как подол её юбки стелется по плитке с узором лотоса, словно красные волны, переливающиеся и колыхающиеся, исполненные неописуемого очарования и грации. Она шаг за шагом поднималась по нефритовым ступеням, подошла к широкой кушетке, сняла вышитые туфли и босыми, белыми и нежными ступнями подошла к Се Юню сзади, издав нежный вздох.

Затем она подняла руку с ярко-красным лаком на ногтях и, на виду у Дань Чао, мягко опустила её на обнажённое плечо Се Юня.

Цзиньсинь, без сомнения, была красавицей.

В тот миг, когда её кончики пальцев коснулись обнажённого плеча Се Юня, в зале девять драконьих фантомов устремились вперёд. В ослепительном сиянии её шёлковая юбка соскользнула, красная кофта упала на пол, обнажившаяся от рук до груди кожа сияла в свете, ослепительно белая, заставляющая сердце трепетать и неотрывно смотреть.

Такая женщина стояла позади Се Юня, её алая губа тронулась улыбкой, всё её пышное, соблазнительное тело почти прижалось к его спине. Эта чарующая сцена могла заставить кровь любого мужчины вскипеть.

Дань Чао тяжело дышал, его рука, лежащая на балке, сжалась.

Под его пальцами на деревянной балке тут же образовались трещины, бесшумно разбегаясь по древесине и мгновенно распространившись на несколько футов.

— Инь, Тянь, Цин, — пропела Цзиньсинь.

Казалось, она совершенно не боится постоянно плавающих вокруг драконьих фантомов. Кончики её пальцев скользнули по груди Се Юня вниз и остановились у места, где билось сердце. Затем она склонилась, приблизив алые губы к уху Се Юня, и мягко открыла рот.

Казалось, она собиралась что-то сказать, но прежде чем слова сорвались с её губ, внезапно Се Юнь открыл глаза, хлопком прижал её руку, лежащую у его сердца, затем развернул запястье и рванул её на себя из-за спины!

Череда действий была стремительной, как вспышка молнии. Раздался глухой звук, и Цзиньсинь оказалась прижатой головой к холодному полу, одна её рука была вывернута Се Юнем за спину.

— ... Командир совсем не умеет ценить нежный аромат и тёплый нефрит, — от плеча до сустава рука Цзиньсинь была почти полностью вывернута, лоб упирался в холодную плитку, от боли её лицо побелело, но она всё же, тяжело дыша, выдавила очаровательную и жалостливую улыбку, — За... за что вы внезапно разгневались? Чем провинилась Цзиньсинь?

Се Юнь опустил веки, его взгляд оставался невозмутимым, — У тебя что, с головой не в порядке, Мин Чунъянь?

На балке лицо Дань Чао тут же слегка изменилось.

Цзиньсинь тоже опешила, соблазнительная улыбка в уголках её губ сменилась беспомощной, а затем весь её облик внезапно преобразился, и в захвате Се Юня она превратилась обратно в того самого парящего в голубых одеждах мага-фанши!

Фанши по-прежнему выглядел изящным и красноречивым, даже держал в руках, как было видно, очень дорогой персиковый веер. Если бы он встал прямо и помахал им пару раз, то определённо выглядел бы как прекрасный молодой господин посреди суетного мира.

Только вот сейчас этот молодой господин с перекошенной половиной тела, вынужденный биться головой о пол, выглядел весьма комично. Мин Чунъянь горько усмехнулся и смиренно спросил, — Командир Се действительно обладает проницательным взглядом. Скажите, как вы раскрыли мою уловку?

Пальцы Се Юня, выворачивающие его локтевой сустав, сжались сильнее. Мин Чунъянь тут же заохал. В обычно очень спокойном и приятном голосе командира Се явственно звучало

отвращение, — Изображаешь духа, говоришь очаровательным голосом и льстишь. Где сама Цзиньсинь?

— Госпожа Цзиньсинь в полной безопасности, она лишь немного вздремнула... Ай!

Мин Чунъянь вскрикнул от боли, несколько мгновений тяжело дышал, обливаясь холодным потом, а затем выдавил даже весьма искреннюю улыбку, — Зачем командир Се так недоброжелателен? Вы считаете, что я сладкими речами обманул императрицу? Или потому, что меня рекомендовал глава Скрытых врат Инь Кайян, и это нарушило ваши запреты?

Се Юнь нахмурился, не отвечая.

Мин Чунъянь с трудом повернул голову, чтобы взглянуть на него. В его улыбке сквозила тень насмешки, — Или же потому, что командир просто испытывает отвращение к прикосновениям мужчин?

Пять пальцев Се Юня сжались, и в локтевом суставе Мин Чунъяня раздался хруст!

— А-а-а-а! — Мин Чунъянь преувеличенно завопил, — Больно, больно, больно! Я болтал чепуху, прошу командира пощадить мою жизнь!

Этот возглас мага Мина был действительно витиеватым и мелодичным, даже Дань Чао наверху невольно прикрыл уши. Се Юнь разжал руку и рявкнул, — Заткнись!

Мин Чунъянь тут же покорно закрыл рот и, постоянно поворачивая голову, взглядом вымаливал прощение, показывая, что осознал свою вину.

Се Юнь холодно произнёс, — Так зачем ты вообще пришёл?

— Командир Се, не нужно так нервничать. Я лишь услышал, что командир получил тяжёлое ранение, и, помня о нашей единственной встрече, специально пришёл проведать... Ай!

— Проверить, не умер ли я?

— С девятью драконами Иньяньцина, охраняющими тело, вы, естественно, не умрёте. Но если в ближайшие три месяца снова будете легко пускаться в бой, то...

<http://bllate.org/book/15578/1387302>